

Несмотря на многократные опровержения, которые демонстрирует действительность, я до сих пор уверен, что каждый человек способен написать по крайней мере одну настоящую книгу. У каждого случается такое, чем нужно поделиться с другими людьми. И, как мне кажется, самый лучший способ для этого – записать.

Довольно часто я встречаю прекрасных рассказчиков. Они повествуют так красочно, сочно, с такими меткими и важными подробностями, что, вроде бы, перенеси это на бумагу, и получится великолепное литературное произведение. Но, оказывается, записать устный рассказ, инстинктивно построенный по всем законам рассказа литературного, – впрочем, литература все-таки возникла из устного творчества, – для большинства людей дело непосильное.

Я не умел и не умею устно рассказывать ярко и увлекательно, но лет с двенадцати почувствовал тягу записывать. Сначала пытался продолжать сюжеты книг Жюль Верна, Майн Рида, Стивенсона, сочинять приключенческие или исторические вещи. Мне в то время нравились история, география. Помню, я придумал персонажа, который успел поплавать и с Колумбом, и с Магелланом... Лет с четырнадцати мне стал интересней окружающий меня мир, люди, которые были рядом; я увидел, что и в реальной – для меня реальной, сегодняшней – жизни есть то, о чем можно и нужно писать.

Конечно, огромное значение имела атмосфера в семье. У нас была большая библиотека, часто по вечерам устраивалось чтение вслух. Читали «Преступление и наказание», «Мартина Идена», «Тилия Улен-

шпигеля», многие другие книги... Прозу писал мой отец. К сожалению, из-за жизненных неурядиц, склада характера, темперамента он бросил писать. Точнее, на это занятие у него постепенно оставалось все меньше времени, сил, энергии...

Кстати сказать, узнавая биографии своих литературных сверстников, я видел, что почти у всех отцы сочиняли стихи, прозу, песни, очерки... Это никак не писательские дети, но дети тех, кого можно назвать поздними шестидесятниками – молодежью 60-х. Читать, дискутировать, писать было у них принято. И у рабочих, и у сельских жителей у потомственных интеллигентов.

Я не очень-то верю в гены, в наследственность, а вот в атмосферу – да. И пусть мы не такие шумные и горячие, не настолько романтики, как наши отцы, но, может, это и к лучшему. Они были кипящим штормом где-то в центре океана жизни, а мы стали упорным, долгим прибоем, порожденным тем штормом... Такая вот, может, и не очень-то удачная попытка метафоры.

О том, как появляется идея произведения, так называемый замысел, я читал в мемуарах, статьях многих литераторов. У всех по-разному. Я не силен в вымысле, фантазия, воображение развиты слабовато. Поэтому, как правило, сюжеты берутся из жизни. Что-то происходит лично со мной, что-то со знакомыми, что-то я узнаю из газет, телевидения, интернета. В СМИ как источнике сюжетов я не вижу ничего плохого – от газетных заметок, криминальной хроники отталкивались зачастую и такие величины как Лев Толстой, Достоевский, Чехов, Леонид Андреев.

Вообще жизнь, реальная действительность, это, на мой взгляд, бездонный колодец для сюжетов всех возможных жанров литературы, для любого произведения. И для «Метели» Пушкина, и для «Метели» Толстого, и для «Метели» Сорокина...

Сюжет у меня складывается в голове целиком – с завязкой, кульминацией (какой-никакой), развязкой, набором персонажей, – и кажется, что записать его – дело недель, месяцев. Но если рассказ можно написать быстро, на одном порыве вдохновения, то большая повесть, роман требуют терпения. Часто приходится заставлять себя садиться за стол. Никакого желания вроде бы нет, но после некоторого времени над тетрадью (прозу я пишу от руки, в тетрадях) оно почти всегда появляется.

Я не могу писать часами, и когда слышу от некоторых, что они работают по десять, двенадцать, а то и шестнадцать часов в сутки, не могу поверить. Если я свободен во времени, то пишу в день в два-три приема по часу, полтора. Прерывать занятие стараюсь, зная, какой будет следующая фраза. Бывает, выплескиваешься до полного опустошения, и дальше продвинуться не можешь много дней, да и не хочется продвигаться. Поэтому стоит оставлять кое-что на следующий раз, какую-то зацепку-фразу, носить ее в себе. И с ее помощью двигаться дальше...

Многие начинающие авторы стремятся или подражать своим любимым писателям (расширение вселенной Толкина – самый распространённый пример подражательности последних лет), или сразу создать главную, окончательную книгу в истории человечества.

О первом случае говорить, наверное, не стоит – из юных подражателей часто вырастают в настоящих, оригинальных литераторов (нередко в критиков, литературоведов) или же в серьезных, думающих читателей. А вот второй случай сложнее.

Может быть, к сожалению, но писательство не только талант, жизненный опыт, воображение, вдохновение, а еще и ремесло. Сесть и написать с ходу сильную книгу – невозможно. Как это ни цинично звучит, нужно набить руку. Для этого требуется время и терпение.

Дворянам было легче – их с детства учили стихосложению, заставляли писать и писать сочинения. Недаром сохранилось огромное количество дневников, воспоминаний, «записок», не уступающих по исполнению лучшим образцам русской прозы.

В советское время была широчайшая сеть юнкоров, стенгазет и так далее. Нынче ничего подобного нет. В школе несколько лет вообще не писали сочинения (ввели снова то ли в прошлом, то ли в позапрошлом году). Юных людей, способных связно выражать свои мысли, впечатления, переживания письменно, не так уж много. Краткость доведена до предела – молодежь нередко обходится смайликом. А потребность поведать о происходящем с тобой или о том, чему ты оказался свидетелем, огромна. И девятнадцати-, двадцатитрехлетний человек выбирает форму этакого моноромана. Подробного, длинного, от первого лица, в котором «Я» повествователя-автора собирает всё – от натурализма до философии.

Девяносто девять процентов авторов подобных произведений терпят неудачу. Нет, нередко основа очень интересная, важная, сильная, но исполнение... Штампы, клише, языковые нагромождения, неуклюжесть... Люди попросту не умеют писать.

Кроме всего прочего, в таких вещах заметно усилие. А видимое усилие, как справедливо заметил Белинский, то же, что и бессилие. Читатель не должен замечать, как сделано произведение, он, в идеале, должен с первых же строк погрузиться в него, а потом, после последней строки, вынырнуть и пожалеть, что оно закончилось.

Утверждать, что я научился писать, не решаюсь. Постоянно чувствую, что способность соединять слова держится на какой-то тонкой ниточке, и некая сила в любой момент может эту ниточку перерезать. И всё – ужас безъязыкости. Иногда бывают периоды – недели, месяцы, – когда эта способность действительно пропадает. Желание, потребность гложет, а способности нет... У Льва Толстого есть такая запись в дневнике: писать не могу, а хочется. Очень точно!

Периодами тот же Толстой погружался на месяцы в состояние, которое он называл «духовный сон». Но дневники показывают, насколько этот сон был для него мучителен и беспокоен!

Кризисов, состояния полного бессилия не избегает почти никто из писателей. «Пишущий *perpetuum mobile*» (выражение Чехова), это нечто не то чтобы редкое, а неестественное, подозрительное. Если пишешь по-настоящему, пусть даже обделен талантом, – неизбежны эмоциональное выгорание, духовный сон.

Но лелеять их, слезно любоваться ими, жалея себя, выгоревшего, нельзя. Нужно внушать себе, что это отдых, подготовка к новому. Что впереди скачок на следующий уровень. И стоит готовить себя к этому скачку.

Например, самый, пожалуй, продолжительный духовный сон Толстого случился во время публикации «Анны Карениной». Лев Николаевич отдал часть романа в журнал «Русский вестник», с увлечением писал продолжение, и вдруг ему стало «противно» то, что он написал, и, отложив роман, Толстой стал читать книги по педагогике, экономике, в очередной раз увлекся сельским хозяйством. Почти полгода не

прикасался к «Анне Карениной». Зато когда продолжил писать, роман из камерной истории «потерявшей себя» женщины превратился в огромное, сложнейшее по смыслу, идеям, вопросам и попыткам ответов произведение мировой литературы.

Так что не стоит отчаиваться во время кризисов. Кризис – это предвестие расцвета. Но нужно помогать своему писательскому организму, а не уходить в многонедельный запой, не проклинать всех остальных, кто способен писать... Мне лично очень помогает во время кризисов чтение прозы моих литературных сверстников. Когда попадаются тексты, на мой взгляд, слабые, неудачные, уныние усиливается, а вот когда сильные... Раньше я боялся того, что завидую, скажем, Захару Прилепину, Илье Кочергину, Антону Тихолозу, Денису Гуцко, Дмитрию Новикову, написавшим отличную вещь. Но именно зависть нередко заставляла меня садиться и пытаться написать такое же сильное... Перестал я бояться и стыдиться этого чувства, наткнувшись в собрании сочинений Пушкина на такую мысль: «Зависть – сестра соревнования, следовательно, из хорошего рода».

Всем должно время от времени не писаться... Кстати, у Бунина встретился очень интересный совет, который дал ему Лев Толстой:

«...Он спросил меня, пишу ли я что-нибудь. Я ответил:

– Нет, Лев Николаевич, почти не пишу. И все, что прежде писал, кажется теперь таким, что лучше и не вспоминать.

Он оживился:

– Ах, да, да, прекрасно знаю это!

– Да и нечего писать, – прибавил я.

Он посмотрел на меня как-то нерешительно, потом точно вспомнил что-то.

– Как же так нечего? – спросил он. – Если нечего, напишите тогда, что вам нечего писать и почему нечего. Подумайте, почему именно нечего, и напишите. Да, да, попробуйте сделать так, – сказал он твердо».

Нередко кризис, разочарование наступают после публикации произведения. Это вроде бы нелогично: публикация, особенно первая, должна быть праздником, но в то же время обнародование твоего текста – большое испытание. Опубликованный рассказ, или роман, или повесть нужно прочесть самому свежим взглядом, и наверняка откроется множество недостатков, иногда и нелепостей. От этого, конечно, можно прийти в отчаяние... Но, погоревав, стоит приниматься за следующую вещь и пытаться написать так, чтобы потом, читая ее в журнале или книге, удивиться самому: ох как здорово получилось!

Довольно часто приходится слышать презрительное и брезгливое по отношению к рукописям молодых авторов: «Опять о себе любимом!»

Я никогда не разделял этого презрения. Может быть, потому, что сам – особенно лет до тридцати пяти – писал преимущественно от первого лица, награждая главного героя своими именем и фамилией...

Это вообще естественно для начинающего автора – повествовать от «я», делать главным героем себя или близкого себе человека. О чем и ком еще писать в юности и молодости?.. Третье лицо обязательно появится, но для него нужно созреть. Впрочем, есть отличные авторы, которые на протяжении всей творческой жизни предпочитают первое лицо. Ничего в этом страшного нет.

Практически все, знаю, почувствовав потребность писать, принимаются за дело так: берут чистый лист (реальный или виртуальный, компьютерный) и выводят название (оно будет меняться почти каждый

день), «часть первая, глава первая, I». Довольно большому числу людей удается дописать до последней главы, а вот опубликовать удается крайне редко. Читать такие вещи, как правило, невозможно.

Я, хоть и не абсолютным новичком (были уже публикации, в том числе и в журналах «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Наш современник»), тоже написал подобный роман – не роман, повесть – не повесть... В общем, огромный по объему текст, в который собрал всё, что увидел, пережил, узнал к тому времени – к двадцати семи – двадцати восьми годам.

Писал около четырех лет, потом отнес толстенную – тесемки у папки не завязывались – рукопись в редакцию одного из московских журналов. Там прочитали и выдвинули условие: напечатаем, если сократите на две трети. Сначала я потерял дар речи, потом разозлился, а когда, спустя несколько месяцев, остыв и постаравшись забыть, что я автор, стал перечитывать, понял, что вещь у меня совершенно нечитабельная.

Из трети этого огромного текста получилась повесть, которую заметили критики и довольно сильно спорили о ней в газетах и журналах (а отрицательные, даже возмущенные отзывы, скажу по секрету, делают для известности автора куда больше хвалебных); еще несколько кусков я переработал в рассказы, остальные эпизоды, персонажей, использовал в большинстве следующих своих повестей и романов. То есть, огромный, непригодный для чтения кирпич стал основой для целого ряда вещей. Ничего плохого я в этом не вижу. И мой случай – не уникальный. Не буду сравнивать себя со знаменитыми писателями, русскими и зарубежными, но некий текст-основа для будущих произведений имелся у многих.

(Тут стоит сказать два слова о пресловутых самоповторах. Чаще всего авторов за них ругают, говорят, что исписались, что они «писатели одной темы». Любопытно, что живописцам можно создавать картины на один и тот же сюжет, бесконечно запечатлевать на холсте или картоне один и тот же храм, парк, один и тот же букет, одну и ту же рыбу или яблоки, а писатель, решившийся обратиться во второй, третий раз к одному и тому же типу, исследовать несколько по-новому историю, обвиняется в самоповторе. По моему, подозрительней писатели, с равной готовностью берущиеся за разные темы, обращающиеся то к современности, то к далекому прошлому, то уходящие в будущее...)

Да, для большого и по объему и по смыслу произведения необходимо созреть, вырасти, повзрослеть. Но это не значит, что литературная молодость – время тихого ученичества, писание для самого себя в плане упражнений. Нет! Литературная молодость – важнейший период в жизни любого автора.

Никогда вам не будет так хорошо (не скажу легко, наоборот, часто мучительно, но все же – хорошо) писаться, как в молодости. Свежесть слога, динамику, не осознанную, а интуитивную смелость образов и ситуаций не восполнить позже никаким мастерством.

И если в большой форме молодость часто терпит неудачу, в рассказах она побеждает. Коротких, емких, быстрых рассказах.

И писать в двадцать – тридцать лет нужно много. Взгляните, как много и быстро писали молодые Гоголь, Достоевский, Лев Толстой... Публикация, особенно первая, книжка – важна, но не стоит отчаиваться, если не всё принимают в редакциях и издательствах. Положите в стол, если вещь стоящая – ее срок придет. «Главное, чтобы на складе было», – говорил поэт-редактор Александр Твардовский...

Встречаясь с писателями, которых узнал многие годы назад как авторов поразивших меня рассказов, я, бывает, отваживаюсь спросить: «Романы ваши читаю, а рассказы не встречаю теперь. Вы их пишете?» И эти авторы, кажется, искренне печалются: «Не пишутся теперь рассказы. Пытаюсь, не получается. Прошла пора рассказов».

Можно поспорить, что рассказы писали многие литераторы и в пожилом возрасте. Вспомнить «Затеси» Астафьева, «Мгновения» Бондарева, «Крохотки» Солженицына... Нет, это другое – это миниатюры умудренных жизнью людей. Я имею в виду те поистине горы жемчужин, что в очень короткий отрезок жизни добыли, например, Чехов, Гаршин, Леонид Андреев, Зощенко, Шолохов и вообще поколение 20-х годов, наши современники – Михаил Тарковский, Илья Кочергин, Дмитрий Новиков...

О Шолохове продолжают спорить – он ли написал «Тихий Дон» и остальное, действительно ли родился в 1905-м, а не раньше. Не буду рассуждать на эти темы, скажу лишь, что, по моим ощущениям, рассказы Шолохова 1923–1927 годов написаны очень молодым человеком. Видна бедность приемов, ограниченность стилистических возможностей, но это восполняется богатством материала и отвагой, с которой автор этот материал превращает в прозу.

Кажется, не всё он, юноша, способен осмыслить, художественно проанализировать, поэтому нередко словно бы уходит в тень, предоставляя полную свободу персонажу рассказать историю. Вывод должен сделать читатель. Таковы потрясающие и ужасающие рассказы «Шибалково семя», «Семейный человек», «Лазоревая степь», «Ветер», по тому же принципу созданы «Председатель Реввоенсовета республики», «О Колчаке, крапиве и капусте», «Один язык», некоторые другие.

Слышать людей необходимо. Из себя самого многого не почерпнешь, а окружающая жизнь, стоит только обратить на нее внимание, предоставит предостаточно материала хоть для рассказа, хоть для романа-эпопеи. И не стоит сетовать на якобы бесцветное время, в которое мы живем, отсутствие событий, настоящих героев. Обратите внимание, что большинство великих романов «золотого века» русской литературы имеют в своей основе «пустячок». Но к этому «пустячку» пристегивается одно, другое, третье, и в итоге рождается «Обломов», «Анна Каренина», «Идиот»...

Вдгонку еще несколько слов о рассказах и о молодости. Чехов, создав «Степь», «Припадок», «Скучную историю», «Гусева», «Дуэль», «Жену», «Попрыгунью», серию очерков «Из Сибири», то есть зарекомендовав себя как серьезный писатель, мечтал вернуться к «мелким» рассказам, которых написал в первые годы занятия литературой многие-многие десятки. В 1892 году Чехов вроде бы вернулся к этой форме, но хватило его лишь на три-четыре рассказа. При всем желании развития не получилось. Видимо, «прошла пора».

Начинать свой путь в прозе нужно, по моему убеждению, если не со стихотворений (хотя, как показывает история, почти все прозаики пробовали себя в поэзии, а кое-кто писал стихи всю жизнь), то с коротких рассказов. Это не только лучшая школа для будущих повестей и романов, но и отдельный, уникальный и неповторимый жанр литературы.

Вернусь к повествованию от первого лица. Есть мнение, что первое лицо в прозе – относительно новое веяние. До «исповедальной прозы» конца 50–60-х оно, дескать, было редкостью и чаще применялось в очерках, чем в прозе.

Но русская проза началась с «Я». «Житие протопопа Аввакума», в котором автор и главный герой – одно лицо; автор, как говорят нынче, подписывается под каждым словом и действием своего героя... Естественно, Аввакум не считал, что пишет прозу, просто – рассказывал историю своей жизни во всей ее полноте, и получилась проза.

Первое лицо использовали и Пушкин, и Лермонтов. А образ рассказчика в «Мертвых душах» Гоголя разве не первое лицо?.. От первого лица написан «Подросток» Достоевского, первое лицо мерцает и в «Бесах». Вспомним литератора с «апатическим лицом», появляющегося в последних строках «Обломова»... Заблуждение, что в этих произведениях повествователь не влияет на сюжет, а лишь рассказывает о происходящем – дело в том, что мы видим происходящее глазами повествователя, невольно соглашаемся с его оценкой. На самом деле истории с Чичиковым, или Ставрогиным, или Обломовым, или Калиновичем из «Тысячи душ» Писемского, может быть, были совсем другими...

Повествование от первого лица дает огромные возможности. И необязательно оно – первое лицо – должно быть тождественно автору. (Такого и не бывает – даже если стараешься писать предельно документально, все равно выходит с изрядной долей вымысла.) Вспомним повесть Чехова «Скучная история». Он написал ее в неполные тридцать лет от лица старого профессора Николая Степановича. Если бы повествование велось от третьего лица, в авторе наверняка угадывался бы молодой человек, решивший показать человека другого поколения, и получилась бы некоторая авторская ирония, усмешка над этим влюбленным стариком. А так – вжившись в Николая Степановича – Чехову удалось создать повесть абсолютно достоверную, печальную, горькую... Тогдашняя публика никак не могла поверить, что это написал еще вполне молодой человек, да к тому же автор известных «юмористических» рассказов, над которыми года за три перед «Скучной историей» хохотала вся читающая Россия...

Чехов обладал поразительным писательским артистизмом. Впрочем, артистизм необходим любому литератору. Даже философская, филологическая проза должна быть в первую очередь прозой, то есть не научной, а художественной сферой литературы.

Необходимо помнить о деталях, мелочах. Есть такое выражение: «Бог в деталях», (вариант – «дьявол кроется в мелочах»). По-моему, очень точно. Фабула может быть какой угодно алогичной, абсурдной, фантазмагорической, но детали способны заставить читателя поверить в достоверность происходящего, оказаться там, внутри произведения...

Сегодня сюжет романа Герберта Уэллса «Война миров» должен по идее вызывать лишь саркастическую улыбку. Это произведение по всем статьям нужно бы уже лет девяносто как сдать в архив. Мало ли какие фантастические произведения литературы были созданы человечеством, и абсолютное большинство кануло в Лету. Даже те, что в свое время потрясли своей смелостью... Что может быть сегодня нелепее выстрелов с Марса по нашей планете из пушки, с помощью которых сюда доставляются захватчики-марсиане. Монтируют некие шагающие треножки и уничтожают землян световыми лучами, осыпают ядовитой пылью. И в итоге сами гибнут от вирусов... Да, в конце позапрошлого века – революционный прорыв, но зачем это читать нам, людям XXI столетия?

Но мы, поколение за поколением, продолжаем читать и перечитывать, а историки литературы продолжают относить «Войну миров» к великим образцам мировой литературы. А дело в том, что роман этот абсолютно правдоподобен: читатель вместе с героем книги испытывает любопытство, ужас, жажду, голод, отчаяние, радость; по сути, каждая мелочь в книге работает на достоверность содержания...

Осмелюсь утверждать, что произведение литературы живет и читается не из-за оригинального, сильного, глубокого сюжета, а из-за деталей, которыми покрыт сюжет. Поэтому – не пренебрегайте мелочами, относитесь серьезно к деталям. В них соль.

Вернусь к тому, с чего начал: писать может и даже должен – каждый. Хотя бы пытаться. И жанр в этом случае не так уж важен. Главное – искренность и достоверность.

Александр Герцен создал немало художественных произведений. Все они нынче почти забыты, интересуют в основном специалистов. Но что до сих пор читают, о чем нередко спорят, что цитируют – «Бывшее и думы».

Чаще всего эту толстенную книгу называют воспоминаниями. Формально – да, воспоминания. Но в то же время настоящая проза. Проза без примеси беллетристики. Мы не видим здесь необыкновенных приключений, сверхгероев и тому подобного. Сюжет книги – жизнь пусть замечательного, но вполне реального и нестарого (публикация началась, когда Герцену было 43 года!) человека.

Видимо, Герцен опасался усмешек в отношении своего «раннего мемуара», поэтому сопроводил начало публикации в альманахе «Полярная звезда» таким замечанием:

«Для того, чтоб писать свои воспоминания, вовсе не надобно быть ни великим мужем, ни знаменитым злодеем, ни известным артистом, ни государственным человеком, – для этого достаточно быть просто человеком, иметь что-нибудь для рассказа и не только хотеть, но и сколько-нибудь уметь рассказать».

Всякая жизнь интересна; не личность – так среда, страна занимают, жизнь занимает. Человек любит заступать в другое существование, любит касаться тончайших волокон чужого сердца и прислушиваться к его биению... Он сравнивает, он сверяет, он ищет себе подтверждений, сочувствия, оправдания».

Очень точные слова, верные...

У всех есть жизнь. Каждая жизнь, если приглядеться, уникальна и достойна того, чтобы о ней рассказать.